

18+

Олеся Стасевич

СКАЖИ, ЧТО ТЫ
ЛЮБИШЬ МЕНЯ

Три истории

Олеся Стасевич
Скажи, что ты
любишь меня. Три истории

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41608523

ISBN 9785449640819

Аннотация

Природа не знает смерти, как, впрочем, и рождения. Ей свойственно волнообразное течение во времени и пространстве, в котором каждое отдельное, уникальное в своей многогранности личностное «Я» проходит из одного состояния в другое и затем, вновь возвращаясь по кругу, на новом витке, повторяет свой путь.

Содержание

Тетёха	5
Конец ознакомительного фрагмента.	19

**Скажи, что ты
любишь меня
Три истории**

Олеся Стасевич

© Олеся Стасевич, 2025

ISBN 978-5-4496-4081-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Тетёха

ТЕТЁХА (простореч. пренебр.).

Дородная и грубая женщина.

«Стоит этакая подгородной слободы баба-тетёха и причитает». Лесков.

Толковый словарь русского языка Ушакова.

Синеет вечер. Сопки придвинулись ближе, темнеют горбаты, зажали меж покатых макушек густое небо. В лицо крепко дышит влажной моросью ветер. В распадке, меж больших валунов гулко перекатывает камни быстрый поток. Мрачно, глухо, томительно.

Щетинится мокрой корой тальник. Дурманит запахом грязи подтопленных берегов, сыростью прелой листвы.

Из-за темной копны черемуховых кустов, от левады, то и дело доносится ржанье, топот, хлопки, отрывистые голоса: – Пошла, пошла, но-о-о... Давай пошла, родная, не ленись.

Три дня назад на турбазу пригнали лошадей. Отправленные осенью на выпас вместе с дикими, не знающими узды собратьями, одичалые за долгую зиму, они шарахаются от людей, брыкаются. Потом в наспех наброшенной узде внезапно смиреют, терпеливо ожидают, когда наденут потник, седло. И хитрят, раздувают пузо, не давая подтянуть подпруги.

Вдоль главной аллеи пунктиром синеют деревянные домики коттеджей. Из них настывших, припыленных за долгую зиму доносится стук, грохот. Это двигается, расставляется мебель. Шум стихает. Стелется, заправляется под полосатые матрасы хрустящее, пахнущее прачечной, белье. Белет сквозь стекло подновленных синей краской оконных рам ситец занавесок. Турбаза готовится к приему первых в этом сезоне гостей.

В кухне стоит теплая влажная вонь от намытого пола, нагарного запаха разогретой плиты, брошенных в раковину столовых тряпок. Весело брякают чашки, стучат ножи, гремят кастрюли. Деревянные столы в зале нарядились в веселенькие скатерти. Повариха Наталья, большая, грубоватая, улыбается круглотой розового лица. Широкой баржей проплывает меж клубов пара, шипящих сковородок. Коротко, гудками выговаривает неумелой дочери-худобе Анютке

за неловкость.

Под вечер все собрались в столовой. До открытия осталось два дня. Большинство персонала осталось ночевать на турбазе, чтобы с утра, засветло, продолжить работу. Директор из местных. Обстоятельный мужик, рыжая борода, выцветшие глаза за толстыми диоптриями очков на широкой переносице. Сидит горбато, согнулся, упершись руками в сиденье стула. Подолгу прикидывает, вглядываясь в тусклом свете столовой в косые почеркушки излохмаченного блокнота. Коротко задает вопросы. Уставшие, насуетившиеся за день люди почти не слушают его. Кто рукой прикрывает глаза, кто просто так подкемаривает, привалился в дремотной теплоте помещения к стене. В темном углу, под плафоном со сгоревшей лампочкой, длинно скребет половником по дну кастрюли Наталья. Разливает опоздавшим по тарелкам. Время от времени поднимает глаза от посуды и безброво щурится на свет, глухо приговаривает:

– Ах, боже мой, поздно уже... Поздненько...

Директор недовольно косится в ее сторону, потом всех отпускает. Уже шагнув к дверному проему, спохватывается, поворачивается к конюху, оставшемуся доужинать:

– Петрович, как с лошадьми?

– Нормально, – космато кивает тот, – завтра кузнец из Ильинки приедет. Кое-как уломал. Долго отнекивался. Старый, говорит... Не выезжает уже.

– Э-э-э... Чего его уговаривать было? Другого нет,

что ли? – хмыкают походя.

– Кривой поковкой лошадь испортить, – Петрович машет вслед корявой рукой, – Ильинского знаю, другого нет.

– Ах, боже мой, поздно уже... Поздненько, – теперь уж из кухни брякает посуда.

По темну дождь совсем разошелся. Едва дождалась Наталья, когда конюх отодвинет пустую тарелку. Давно все разошлись, а Петрович сидит, чаевничает, прихлебывает из кружки длинно, шумно. Бочком прикусывает пряник. Из-под густых бровей косится тишком на распахнутую дверь кухни. Укараулила, как вышел он курить на ночное крыльцо. Шагнула вслед, притворила за собой дверь. Белела круглым лицом, кутала полные плечи на вечернем холоде в безразмерную вязаную кофту:

– Петрович, Ильинский кузнец со старшим, Иваном, придет? – замолчала, поглядывая на качающийся в темноте огонек сигареты, насмелилась дальше спросить, – Или с кем другим?

– Не знаю... А ты чего спрашиваешь?

– Сестра двоюродная в Ильинке в соседях с ними. Хотела передать кое-что.

– Ну вот завтра и передашь... Эка, темень-то какая. Хоть глаз коли.

Петрович собрался шагнуть со ступени, остановился,

неожиданно повернулся, близко подsunулся к лицу женщины. Навалился костляво на грудь Наталье, задышал часто. Прерывистым шепотом торопливо говорил, пытался облапить:

– Ладная ты, Наталья, мягкая. А дух от тебя идет теплый, пьяный. Пойдем ко мне... Темно, все уж сморились, никто не увидит. Приласкаю...

– Да ты что? – уперлась руками, оттолкнула, – Пошел ты... Дернула ручку, двинула дверью с крыльца так, что коных загромыхал сапогами с мокрых ступеней. Поскользнулся на нижней ступеньке, едва не упал в растоптанную грязь у крыльца, устоял. Отирал ладонью замокревшее под дождем лицо:

– От, дурная баба, так дурная... Чего тогда пялилась-то на меня весь вечер? – ежился от воды, попавшей за ворот, тихо матерился на захлопнувшуюся дверь. Стоял, крутил головой, – От, дурная бабища... Тетёха... и есть Тетёха.

Рубанул рукой темноту. Пошел, проскальзывая по мокрым доскам тротуара прилипшей к подошвам глиной :

– Ладно, лошадей посмотрю... прощевайте, – и долго еще доносилось из темноты его бормотанье, – От, Тетёха... От, дура...

Наталья вернулась во влажную духоту теплой кухни. Сунула кофту в угол на гвоздь, грубо отодвинула Анютку от мойки:

– Иди спать. Завтра не встанешь... Сама домою.

Оставшись одна, опустилась на стул, уронила большие руки на колени. Покачивая головой, сидела, теребила угол ситцевого платка, стянутого с тяжелого узла волос, горестно приговаривала:

– Ах, боже мой, поздно уже... Поздненько...

Ивана, кузнецова сына, она любила. Ох как любила. Давно. Как ей казалось, всю жизнь.

Ей семнадцати еще не было, как начала заглядываться на него. Ильинские к ним часто в клуб приходили. Иван был самым заметным из них. Но держался особняком. На танцах парни все гоголем перед девками грудь выгибали, а этот спокойно стоит, покуривает, выжидает чего-то. Глаза синие щурит и словно смотрит не вовне, а внутрь себя. А сам – красавец, невмоготу смотреть. Высокий, плечи широкие. Клетчатая рубашечка в натяг, на пуговках расходится. Того и гляди лопнет. Подружки подолом круть-верть перед ним. Улыбается, кивает, отшучивается на их привязчивое чириканье. Вытащит его, которая посмелее, под грохочущие «Ласковым маем» колонки, он потопчется раз, два, махнет рукой и назад вернется. Подопрет стену плечом, смотрит, молчит, покуривая. А у Натальи сердце гулко, как в пустоте, начинает бухать. Не такая разбитная была, как подружки. Не могла, как они, кокетничать с Иваном, заигрывать. Стеснялась се-

бя. Уродилась в отца, большой, широкой. Неуклюжей себя чувствовала. Ровесницы туфельки на каблуках носили, а ей, с ее большим размером, и простые туфли было не подобрать. У них юбочки на талии перекручивались, а ей приходилось широкими платьями формы свои прикрывать.

Сидела на танцах где-нибудь в уголке потемнее, чтоб свет не застит. Подружки то сумочку сунут поддержать, то кофту, пока они в танце отжигают, да в ночных кустах с парнями целуются.

Раз Колька, Иванов дружок, подошел к ней, взял за руку, потянул в освещенный круг. Был сильно навеселе, громко икал, похабщину нес. Благо музыка гремела, мало кто слышал. Облапил упирающуюся Наталью, полез целовать слюнявыми губами. Оттолкнула брезгливо Кольку от себя. Тот, потеряв равновесие, ухватился за платье, оторвал рукав. Грохнулся на деревянный, истыканный каблуками, пол. Сидел, мотал кудлатой головой, цедил сквозь зубы:

– Дура девка... Тетёха.

Поднялся, покачиваясь, занес над ее лицом руку.

Она не испугалась. Страшно стало потом. Когда Иван, разобравшись с пьяным приятелем, просто, как само собой разумеющееся, сказал ей:

– Пойдем, провожу.

Всю дорогу до дома, не шла – ноги едва волокла. Колени подгибались. Ночь была летняя теплая, после жаркого дня не посвежело. Горячий воздух мороком томил. У палисад-

ника, в горьковатом черемуховом удушье насмелилась, прошептала бескровными губами:

– Поцелуй на прощанье, защитничек, – не дождалась, сама клюнула в прохладную щеку. Ширканули губы по шершавой щетине.

Иван, помедлив, ответил. Ладонь осторожно легла ей на бедро, другая медленно заскользила по спине.

– Ты что, дуреха? Не боишься? Ну... Ну, – отодвинулся, попридержал за плечи, – не дури, Тетеха... Потом жалеть будешь.

– Не буду... Не буду жалеть, – едва шелестела, сильнее прижималась к нему пылающим телом, лицом уткнулась в широкую грудь. Царапала пуговка щеку. Слушала гулкие, словно в пустом ведре, удары его сердца.

– Извини, Натаха, – отодвинулся, отвел глаза в сторону, – проводил... Теперь пойду.

Не помнила, как в калитку вошла, как по крыльцу в сени шагнула и дальше в дом. Повалилась на кровать поверх одеяла как была, одетой. Всю ночь втихую, чтоб родители не услышали, заливала слезами подушку:

– Не пара я ему... не пара.

А ладони все еще помнили его загорячевшее под рубашкой тело. Чудился сладко-горький прокуренный запах.

С того вечера зачастила она гостевать к тетке в Ильинку. Благо жила она по соседству. Видела его часто, но только издали. Кивнет едва через низкий забор, а то и вовсе не заме-

тит. Сама не решалась подойти. Все ждала чего-то. Не выждала.

Спустя месяц Иван с парой друзей уехал на заработки в Иркутск. «Город заманил», – говорила тетка, поглядывала внимательно на племянницу, прятала усмешку в углах выцветших губ. Наталья надеялась, что Иван не задержится там, вернется. Выдавит город его из своей толкотни. А он, прижился, на следующее лето приехал погостить. Не один, с невестою. В первый же выходной пришли на танцы. Девушка жалась к Ивану. Городская, манерная, выдристая. Вцепилась, не оттащить. Через две недели Ильинка гуляла свадьбу. Как полагается, вся деревня в Ивановом дворе опрокидывала махом стопочку, драла горло: «Горько!» Наталья сидела за длинным столом, смотрела, как жеманно приподнимала перед поцелуем фату невеста. Как обжимаются они с Иваном под пьяный счет гостей. Ушла, не досидела до конца. Невмоготу стало смотреть на поглупевшие слезливые застольные лица, слушать пьяные выкрики, игривый смех баб, гогот мужиков.

Шла по проулку к реке, не разбирала дорогу. Добрела до околицы, забила в сарае. Тут и слезы не держала уже...

– Что рыдаешь? – в дверном проеме стоял, покачиваясь, Колька. – Ты поплачь по Ваньке-то... Пострадай... Тетёха.

Присел рядом, облапил:

– Какая ты ладная... Теплая, – гладил по спине, тыльной частью ладони стирал слезы с лица, наклонился, дышал

перегаром. – Жениться хочу на тебе. Тетешить буду, любить... А не бросишь страдать, так убью... Вот женюсь на тебе и убью.

Пьяно шарил по ее обмякшему телу. Завалил, полез под подол, торопливо насильничал. Наталья не сопротивлялась. Лежала, равнодушно смотрела в прореху на крыше, как плялился на них косматый облачный клочок:

– Замуж так замуж. Хотя бы и за Кольку... Поздно уже... Поздненько...

Не прошло и месяца с Ивановой свадьбы, как в Натальиной деревне горланили ей с Колькой: «Горько!»

В небольшое кухонное окно постукивает пальцами редкий дождь. Наталья выключила тусклую лампу, распахнула дверь в ночной холод. Подстелила кофту на скрипучие доски, устроилась на крыльце. Замерла, прикрыла глаза. Слушала доносящийся от подножья темнеющей сопки ровный шум реки. Приготовилась ждать. Всю ночь. Ивана.

Сколько Колька ни грозился, сколько ни ревновал, свои угрозы он только озвучивал. Иной раз подопьет в гостях или на работе повечеряет с мужиками, домой придет, сядет на кухне, поглядывает на Наталью. Сначала молчит, потом начинает пьяно соплывать, визнавать, было ли у нее с Ива-

ном. Распаляет себя, начинает замахиваться. Двинет тогда Наталья его: «Проспись, дурак». Уйдет на кухню, гремит посудой. Слушает, как скрипит диван под его раскоряченным телом, как он, засыпая, слезливо порывается:

– Тетешилась с Ванькой, – ворочается, давится в подушку, – Подлюка... убью.

Потом стихал, забывался в тяжелом бредовом сне. Наталья, кинув на его заголившуюся спину покрывало, уходила спать. Ложилась в прохладу пустой кровати, долго ворочалась. За стенкой тихо посапывала набегавшаяся за день Анютка. В открытый дверной проем доносилось Колькино хлюпающее похрапывание.

В такие ночи Наталье не спалось. Все думала. Вспоминала тот единственный раз, когда целовалась с Иваном. Его глупо-счастливое жениховское лицо на свадьбе. Не заладилось у них с городской женой. Двоих деток ему родила, а все хвостом вертела. Сбегала пару раз в город свой. Поговаривали, хахаль там у нее. Хахаль или нет, а возвращалась.

Раз Наталья к тетке в Ильинку поехала с Колькой. Тот Ивана через низкий заборчик увидел, заорал, брататься полез, на приглашение повечерять по старой дружбе заторопился. Пригласили и Наталью. Иванова стерва гостям не рада была, но на стол накрыла. За столом почти не сидела, все зыркала ненавидящими глазами на них с Колькой, на мужа, на деток своих, которые затеяли игру вокруг стола. Вспомнила Наталья, как настороженно поглядывал слегка опьянев-

ший Иван на жену. Как задерживал взгляд на Наталье. Чувствовала, не простой взгляд. Тот самый, знакомый. Глаза сие щурит и словно смотрит не вовне, а внутрь. Только теперь не себя, Натальи.

Изрядно подвыпив, мужчины пошли покурить во двор. Долго не возвращались. Обеспокоенная Наталья нашла их за домом, на штабеле досок. Колька громко икал, сопливил, нервно затягивался сигаретой. Его совсем развезло. Вдвоем с Иваном повели его к теткинному дому. Под ее причитанья уложили. Наталья пошла проводить Ивана до калитки. Стояли в темноте в горьковатом черемуховом удушье. Иван медлил, словно ждал чего-то. В освещенном окне маячила тетка. Наталья едва прошептала бескровными губами:

– Прощай.

Вспоминая, металась в жаркой истоме, скидывала одеяло с пылающего тела. Одна. В пустой постели. Под окном подсматривающей за ней в незашторенное окно луны.

Еще солнце из-за сопки не поднималось, как Колька, стараясь не стучать, крался на кухню. Громко хлебал капустный рассол, торопливо уходил на работу. До работы он был охоч. Вечером, уставший, пыльный, мазутный, возвращался. Садился за стол, бормотал, искоса поглядывая:

– Я пошумел тут вчера немного. Ты уж прости.

Пододвигал хлеб к Анютке:

– С хлебом ешь, вредина. Вся в меня... В меня же?

Смотрел вопросительно на Наталью, неловко улыбался

в ответ на ее кивок. Насмелившись, царапал корявой ладонью по ситцу халата, оглаживал ее по широкой спине:

– Тетеха моя... Тетешечка.

Наталью он любил. Да и Наталья, в такие минуты отчётливо понимала, что с мужем ей, как ни крути, повезло.

Утренний ветерок разогнал туман. Сквозь обрывки облаков на мокрой траве заиграло выкатившееся из-за сопки солнце. Дождь кончился. В кухонное окно Наталья увидела, как старенькая «Нива» шумно расшила колесами зеркальную лужу, затормозила у крыльца столовой. Из-за руля выскочил паренек. С другой стороны из машины неловко вылез старик-кузнец. Жестикулирует сухой узловатой в локте рукой, недовольно брюзжит, выговаривает пареньку. Тот машет рукой, проворно садится в машину и отъезжает вперед от лужи на сухое место. Иванов сын. Похож на отца. К машине подходит Петрович, коротко здоровается. Махнув на дверь столовой, быстро шагает в сторону конюшни. Пока Наталья убирала кипящую кастрюлю с плиты, заскрипели, застонали ступени крыльца, грохнула дверь.

– Аленка, поди, накрой на стол, – отправила дочь.

Иван не приехал. Она еще надеялась. Может, не увидела, как из машины вышел. Может, приехал, да сразу на конюшню пошел. Может, уже в леваде горн ладит. Не может он не приехать. Она ждала его. Всю ночь. Весь год. С прошлой

весны. Всю жизнь. Но как она ни пыталась себя утешить, она уже знала. Иван не приехал.

Случилось у них с Иваном в прошлом году. Весной. Вот так же, накануне открытия. Колька к тому времени уже года два как не жил дома. Сказать, что совсем бросил, не скажешь. Пришел раз опять подвыпивший, ревниво молот весь вечер про Ивана. Грубил, как всегда, матерился, называл обидно. Наутро вышел на кухню, громыхнул ковшом с водой. Отерев мокрое с подбородка, заявил:

– Все. Уезжаю я.

Сидел в углу на диване. Скрипели пружины. Остановившимся взглядом смотрел сквозь Наталью, собирающую ему вещи. Когда все сложила, встал, подошел к двери в комнату еще спавшей дочери. Не открыл, не попрощался. Уходил, в глаза не смотрел. Напоследок, дернул задвижку калитки, бросил через плечо:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.